

ФРАГМЕНТЫ КИРГИЗСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА „МАНАС“

(Из „Великого похода“ или „Похода богатыря Манаса на Пекин Великий“)

Е. ПОЛИВАНОВ

ВВОДНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Киргизский народный эпос «Манас» бесспорно занимает первое место среди памятников устно-литературного творчества тюркских народов как по художественному, так и по научному своему значению (в качестве ценнейшего объекта литературного исследования). А по своему объему этот колоссальный эпос — в несколько десятков раз превосходящий «Илиаду» — должен занять и мировое первенство, как самый длинный (и представляющий собою, вместе с тем единое сюжетное построение) эпос из всех известных нам народных эпосов других национальностей.

Чтобы дать представление о его размерах, достаточно будет сказать, что один только эпизод, или одна «часть», «Манаса», — эпизод под заглавием «Великий поход» (или «Великий поход за веру», точнее же: «Поход богатыря Манаса на Пекин Великий»), записанный от сказителя Сагынбаева, — содержит в себе 56 000 стихов, а вся версия «Манаса», записанная от одного этого сказителя, состоит не менее чем из 240 000 стихов (главным образом 7-сложных и 8-сложных); если мы будем считать, что в среднем на 1

стих приходится по 3 слова и по $7\frac{1}{2}$ слогов, то это даст общие цифры в 720 000 слов и 1 800 000 слогов — в записанном от одного только человека словесном материале. Если ж мы захотели бы составить исчерпывающе полный текст эпоса из записей всех главнейших современных сказителей, то эта сводная редакция, конечно, превысила бы треть миллиона стихов.

При этом, как я уже сказал, «Манас» представляет собою не цикл былин о различных героях и на различные темы (как это мы видим, например, в сербских народных героических песнях или в русском былинном творчестве), а единое эпическое произведение. Вся совокупность эпизодов, входящих в «Манас», объединяется уже тем, что в каждой из этих частей речь идет о хане Манасе или — в непосредственной связи с Манасом — о сыне Манаса (Семетее), и это единство стержневой фигуры, на которой держится и план, т. е. хронологический порядок отдельных частей, обуславливает композиционное единство эпоса. Если «часть», носящая заглавие «Семетей», повествует уже не о самом Манасе, а о его сыне (и в связи с этим, естественно, оканчивается завершением — последней «частью» — всего эпоса), то это на-

ходит себе прямую параллель в тех песнях «Одиссеи» (1—4), где речь идет о Телемахе (сыне Одиссея): ведь не противопоставляем же мы этих песен — на правах отдельного эпоса — всей остальной «собственно Одиссее».

В настоящее время во всей Киргизии вряд ли найдется десяток сказителей-профессионалов (так называемых «манасчи», т. е. «манасистов»), которые могли бы петь все или почти все «части» (эпизоды) эпоса. И при этом, конечно, нужно уже заведомо отказаться от намерения найти одно лицо, которое помнило бы *полный* текст всего «Манаса», т. е. текст, который уже не стоило бы пополнять записями от других лиц, — текст, в котором было бы все, хранящееся в памяти любого из других сказителей. Таким образом, обеспечить более или менее исчерпывающую текстовую полноту можно только при условии использования всех ныне живущих специалистов, каковых в настоящее время взято на учет 6 человек.

Эта «вполне полная фиксация Манасовского текста (от последнего поколения профессионалов-манасистов) является делом будущего.

Тем не менее в настоящий момент в руках Киргизского научно-исследовательского института культурного строительства есть уже две в достаточной мере полные редакции «Манаса» — одна, записанная от умершего сказителя Сагымбаева, и другая — от сравнительно еще молодого товарища Каралаева, месяц тому назад получившего звание народного артиста Киргизской республики¹. Записей этих вполне достаточно для охвата всей сюжетной канвы, содержащей в себе всего десять «частей», или эпизодов, включая сюда, конечно, и Семетей»

Эти две версии, (сагымбаевская — в первую очередь, и караевская — во вторую очередь) и кладутся в основу подготовляемого ныне к изданию и переводимого на русский язык текста «Манаса». Работа эта, исполняемая в настоящее время сотрудниками Киргизского научно-исследовательского института культурного

строительства при самой активной поддержке обкома партии и правительства КирССР, впервые знакомит научный мир и широкий круг советских читателей с тем, что представляет собою «Манас», ибо до сих пор изданий этого эпоса не существовало: были изданы только фрагменты, составляющие сравнительно очень небольшую часть всего текста, да и эти издания фрагментов — одно в «Образцах народной литературы турецких племен» В. В. Радлова (с приложением, в виде отдельного выпуска, стихотворного перевода), а другое в венгерском научном журнале — могли быть достоянием лишь узкого круга ученых-туркологов, но не широкой читательской среды².

Колоссальные размеры эпоса (состоящего притом из чрезвычайно богатых формально-поэтической техникой стихов, выдерживающих и строгие просодические нормы, и аллитерацию, и рифмы) заведомо исключают гипотезу о единоличном творце «Манаса». Если фактически существовал «персидский Гомер» — в лице автора «Шах-намэ» Фердоуси, то единого «киргизского Гомера», т. е. единоличного создателя «Манаса», без сомнения, не было — как не было и единого греческого Гомера.

Песни о жизни и войнах хана Манаса слагались в течение нескольких столетий, и в каждом поколении число участников этого коллективного творчества определялось числом отдельных профессионалов-сказителей, т. е. лиц, для которых исполнение пе-

¹ Звание это получили вместе с тов. Каралаевым и два других сказителя — «манасчи».

² В связи с отсутствием более или менее полных образцов текста крайне ограничена была и научно-исследовательская литература по «Манасу» (из нее, в качестве изданной в Ташкенте работы, назовем статью покойного профессора П. А. Фалева: «Как строится каракиргизская былина» в журнале «Наука и Просвещение» 1922 г. № 1). В настоящее время, на основе имеющихся в Кир. Н.-И. И. К. С. записей текста уже готово к печати прекрасное исследование, принадлежащее казакскому литературоведу т. М. А. Ауэзову.

сен о Манасе служило главным источником средств к существованию. Конечно, не каждый из этих исполнителей являлся активным сочинителем одного или нескольких фрагментов (в том или другом эпизоде «Манаса»); среди них были, очевидно, и пассивные участники процесса эволюции текста: в той или иной мере они должны были изменять этот текст, приноравливая его к новым требованиям и новым вкусам аудитории.

Между прочим, иллюстрацией того, как гибко менялось содержание песни в угоду вкусам аудитории, может служить нижеследующее воспоминание покойного основателя русской тюркологии-академика В. В. Радлова, о котором выше уже было упомянуто как о первом из собирателей «Манаса». В той фрагментарной записи киргизского текста, которую В. В. Радлов опубликовал в своих «Образцах», хан Манас выступает в качестве верноподданного вассала «белого царя», и сам этот «белый царь» рисуется мощным властелином, которого киргизы чтут как своего законного владыку. Причина этого, — говорит В. В. Радлов, — была в том, что сказитель видел во мне чиновника «белого царя» и, стремясь как можно более польстить русскому чиновнику нарочито для этого изменял «Манаса».

И наоборот, при условиях совершенно противоположного в политическом отношении социального заказа, — тогда, когда сказителя Сагымбаева собрались записывать местные, киргизские буржуазно-националистические интеллигенты, настроившие его на свой лад, — картина взаимоотношений Манаса и «белого царя» получилась совершенно иная: Манас не только, «перевалив через Урал, победил русских», но даже «так их разбил, как никто до тех пор не разбивал». Однако по поводу этой — записанной при участии местных националистов — версии я должен добавить, что в данном случае отклик на политические вкусы заказчика был не только «обычным приноравливанием сказителя к требованиям аудитории, содержание неко-

торых мест было просто подсказано сказителю, в чем он чистосердечно признается в своем «послесловии»: «Как мне было приказано петь, так я и пел». Но разве подобные «приказы» — что и как надо петь — не могли иметь место и для прошлых поколений манасистов? Разве тот или другой хан или манап, являвшийся хозяином или заказчиком певца, не мог просто *приказать* певцу, чтобы тот сообразовался с его политическими вкусами или его личными симпатиями и антипатиями?

К таким «навязанным сказителю» местам сагынбаевской версии относятся все те фрагменты, в которых Манас выступает в качестве исполнителя пантюркистской и панисламистской миссии (например, насаждая мусульманство в Мавераннахаре и вообще в Средней Азии, совершая благочестивое паломничество в Мекку и т. д.); и конечно, выделять (и вычеркивать из предназначенного к изданию текста) эти чужеродные — интеллигентского происхождения — места удастся без особых затруднений; уже независимо от того, что они явно противоречат общему содержанию остального текста (и версиям других сказителей), эти вставки обличают себя тем, что в них оказываются употребленными слова и понятия, совершенно чуждые нормальному словарю и нормальному кругозору манасчи: например, встречается такое слово как «тундра».

Манас входит в соприкосновение не только с русскими и немцами (которые он, заодно, тоже разбивает в пух и в прах), но и с Италией, Японией, Абиссинией, и, наконец, — вопреки всякой хронологии — даже с Наполеоном и с Троцким!

Конечно, уже с самого возникновения песен о Манасе они имели определенный классовый характер. Будучи создаваемы для воинской аристократии эпохи степного феодализма и являясь продуктом творчества певцов — профессионалов, песни Манасовского цикла первоначально были именно героическим эпосом военно-феодальной верхушки киргизского народа, и соответственно этому главный и стержневой

герой этих песен — хан Манас — играл для данной киргизской среды ту же роль, какая принадлежала Рустаму, любимому герою персидской «Книги царей» (Шах-намэ) в мышлении и культуре персидской феодальной верхушки. Если Рустам служил тем образцом и идеалом витязя-дружинника, на котором воспитывалось каждое молодое поколение персидского феодализма, то для киргизских ханов и их дружинников аналогичным же идеальным образом служил образ Манаса: так воевать, как воевал Манас, так расправляться со своими внутренними врагами и соперниками, как расправлялся Манас, так накапливать и охранять свое богатство, как накапливал и охранял его Манас, — в этом была, в сущности, вся политическая мудрость, вся программа идеальной жизненной карьеры, обеспечивающей преклонение современников и уважение потомства, словом — вся мораль данной социальной среды в эпоху степного феодализма.

Потому на «Манаса» мы можем смотреть не только как на художественное произведение, но и как на оружие социального воспитания военной аристократии, как на кодекс морали, по которому учились жить, мыслить и действовать ее молодые поколения. И если, при всем этом, Манас (так же, как, с другой стороны, и Рустам у Фердоуси) оказывается не просто схемой идеальной личности, а наоборот, — живым человеком «из плоти, крови и темперамента», т. е. вполне правдивым, реальным образом, которому не чужды и типовые недостатки феодального вождя, — то это обстоятельство отнюдь не ослабляет, а наоборот, усиливает художественное воздействие этого образа на слушателей, а значит, усиливает и морализующее значение его.

Классовое воспитание феодальных воинов Персии (для которых идеалом служил образ Рустама) слагалось из трех элементов: 1) элемент ритуально-религиозный (сначала зороастрийской, а потом — мусульманской религии); 2) элемент физического воспитания — в виде гимнастических, спортивных и чисто воинских физических упражнений (доказывать

кардинальную значимость которых для эпохи доогнестрельного оружия, конечно, уже не приходится) и 3) элемент социально-политической морали, усваивавшейся из героической поэзии — тех самых сказаний, которые 1000 лет тому назад были объединены Фердоуси в его «Книге царей».

Те же самые три элемента мы можем предполагать и в классовом воспитании киргизской социальной верхушки (в те эпохи, к которым мы прилагаем наименование «степного феодализма») — с той только разницей, что первый из данных трех элементов — элемент религиозного воспитания — для киргизской среды имел относительно минимальное значение, уступая свое место двум другим элементам (этот вывод мы можем сделать уже на основании самого «Манаса»): дело в том, что киргизы были «слабы исламизованной» турецкой народностью, — ислам не проник в глубь степного быта настолько, чтобы искоренить или решительно преобразовать традиционную культуру предшествующего ему периода — шаманистскую культуру т. н. «примитивных турок»; словом, фактическая роль исламизации была совершенно несравнима с тем, что мы констатируем в данном отношении у оседлых турецких народностей, вроде, например, «чагатайских» или же южнохорезмских «огузских» узбеков, или азербайджанцев и т. п.

Итак, религиозное воспитание сводилось к сравнительно небольшому числу чисто внешних обрядов форм — в виде пятикратного намаза и т. д. Зато тем большее значение приобретали: 1) физическое воспитание воина-феодала и 2) та классовая мораль, кодексом которой являлся «Манас» как героическая эпопея классово-устно-литературного творчества. Дети ханских и дружинных (военно-феодальных) семейств с самых юных лет привыкали слушать про походы Манаса и приучались к сознанию, что каждый свой жизненный шаг им необходимо сообразовать с теми именно нормами поведения, идеальным образцом которых служил хан Манас и его ближайшие соратники (прежде всего Алмамбет — в ряде черт ко-

пирующий, а в значительной мере и дополняющий собою образ хана Манаса).

Цель жизни — власть и завоевания. Покорять под свою власть всех, кто вокруг тебя, и овладевать скотом, землей и всяким добром врагов своих — это значит преуспевать в жизни. К этому надо стремиться и не жалеть ни своей головы, ни чужих голов на путях к этим целям. Жить — это значит воевать, и для того, чтобы жить, герою надо уметь воевать. Единственное занятие, единственное ремесло, которым должен владеть герой, это — война. Но между войной и разбоем для той эпохи, героем которой служит хан Манас, нет твердых границ. Как и война, так и разбой, — это главный и основной «труд» героя и главный источник его обогащения. Отбить табун лошадей или стадо скота у калмыков или у любого другого соседа — это самое обычное предприятие, самое нормальное событие.

Разумеется, под *героем* здесь имеется в виду именно хан или дружинник, господин, т. е. представитель воинской аристократии; но ведь на них только и рассчитывал коллективный создатель «Манаса», как кодекса социальной морали. О массе бедного люда, о «народе» эпос говорит лишь как об объекте, а не как о субъекте. «Народ» — это объект управления, и им нужно уметь управлять. Властвуя и владея, необходимо думать и о тех, кем управляешь. И самое первое, о чем в данном направлении надо думать, — это обеспечение покорности «народа» господину. Основное средство для этого угроза (хајват по-киргизски), внушение страха и трепета перед господином и представителями власти этого господина. Но вместе с этим, стремясь господствовать, господин должен *давать жить* и своим подданным; и отсюда в учение о том, как надо управлять, входят еще три пункта: 1) надо давать возможность существовать «народу» (т. е. не душить его доотказу налогами и проч. и проч.), 2) надо привлекать его к себе всенародными празднествами — пирами и спортивными играми-состязаниями,

3) быть справедливым в суде и расправе¹.

Всем этим нормам политической морали хан Манас удовлетворяет вполне: храбрый воин, счастливый полководец, притом вояка, в котором момент эмоциональный явно преобладает над расчетливостью и хитростью дипломата; хан Манас в то же время является *настоящим господином*, основное качество которого — умение внушать страх и покорность. Вместе с тем — это «справедливый» хан и щедрый организатор пиров и спортивных состязаний.

С другой стороны, хан Манас служит и образцом *семейной морали*. Его женитьба — на четырех женах (ибо именно четыре жены и полагается мусульманину в качестве максимальной нормы), его отношения к женам (особенно к первой — старшей и любимой жене), его ожидания и надежды иметь сына (единственный сын Манаса, Семетей, родится уже много лет спустя), словом весь семейный быт хана Манаса, опять-таки, в свою очередь, являет слушателю идеальную, с точки зрения феодально-киргизского «Домостроя», картину. И наконец, момент религиозный, хотя он и не играет особо существенной роли в быту данной эпохи, тоже нашел свое отражение в образе хана Манаса — притом как-раз именно в той мере, какая фактически соответствует «слабо исламизованному» быту кочевого народа. Леопард Манас, Лев Манас, Коршун Манас, Гиена Манас, Пьющий кровь Манас (так называют хана Манаса, его «постоянные эпитеты»), представляя собой насквозь воинственную, грозную и жестокую фигуру такого же уклада, как и Чингиз-хан, вместе с тем всегда выступает как верный сын ислама хотя и чувствуется, что ритуал ислама привился где-то на задворках его психологии, и при этом наиболее окрашенными эмоционально моментами оказываются не какие-либо существенные моменты мусульманской догмати-

¹ Каждое из отмеченных здесь положений легко подтверждается конкретными цитатами из текста эпоса.

ки, а самые внешние обрядово-бытовые детали, дающие упор шовинистическим выпадам против неверных «капыров» (напр., обычай садиться на корточки при мочеиспускании и т. д.: если личностям манасовского склада выпадает судьба на жизнь и на смерть биться с неверными, то они будут при этом ненавидеть неверных именно за то, что те мочатся стоя, а не за теоретические уклонения вроде многобожия и тому подобных абстрактных и малоосязательных мудреностей).

Правда, в «Манасе», в частности в сагынбаевской записи, встречаются места с довольно пространной религиозной терминологией: таково, например, начало того письма Манаса, в котором он шлет вызов устроившим против него заговор семи мятежным ханам, — здесь после имени Аллаха (Q a d ы r a l d ę) упоминаются и четыре пречистых ангела, и 400400 пророков-«пайгамбаров», и 64 пророка-наби. и 4 «чалияра». и муджтахиды и пр. Но есть значительные основания думать, что вклинивания подобных типично-мусульманских формул—продукт позднейшей эпохи, когда уже сменился социальный заказчик Манаса, когда вместо военно-дружинной среды эпопея стала обслуживать байско-манаскую экономическую верхушку киргиз и ее бийскую администрацию¹ и когда на творчество сказителей стали оказывать влияние представители духовенства (муллы). То же можно сказать и относительно отдельных вставочных возгласов о «суете сует» здешнего, земного мира, в которых видна струя суфистского пессимизма. Эти возгласы настолько противоречат общему примитивно-жизнерадостному тону, мажорному жизнеощущению, сказывающемуся во всей эпопее, что нельзя не обратить внимания на чисто механический характер этих вставок.

К какой же именно эпохе относится Манас, как литературный об-

¹ Бий — слово, соответствующее слову бек, в некоторых других турецких языках; так именовались у киргиз административные начальники и судьи отдельных районов.

раз, и «Манас», как эпопея в ее первом оформлении? На этот вопрос очень трудно дать более или менее точный ответ, так как хан Манас — лицо псевдоисторическое. Ни в европейских, ни в китайских, ни в среднеазиатских письменных исторических источниках мы не находим о нем упоминания. А могила Манаса, до сих пор сохраняющаяся в Таласе — вместе с арабской эпитафией на ней, сама по себе еще не служит достаточным доказательством того, что Манас действительно существовал. Ведь находим же мы в Средней Азии — и не одну, а несколько могил зятя Мухаммада Али, — хотя достоверно известно, что Али никогда не заезжал в эти края.

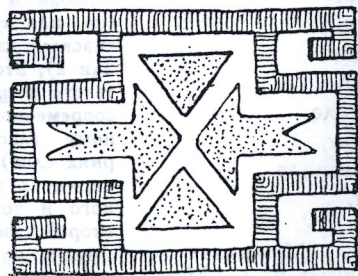
Таким образом, почти единственным материалом для наших попыток хронологического определения «Манаса» остается сам текст эпоса. Но количество отдельных, заключающихся в этом тексте, признаков настолько велико, что вопрос этот вырастает в сложную проблему, далеко выходящую из рамок настоящей статьи. Так или иначе, есть основания сблизить образ Манаса с эпохой Темура и тимуридов, т. е. полагать, что историческая личность, легшая в основу этого образа, могла быть или младшим современником самого Темура или современником Улугбека и других тимуридов. Отметим здесь, что Манасу уже известно огнестрельное оружие: он сражается с помощью своего знаменитого «ак-кельтэ» — фитильного ружья, а кроме того пользуется и пушкой. Но ружье находится только в руках у самого Манаса. Его войска, и даже ближайшие к нему 80 человек его личной охраны, огнестрельного оружия не имеют. Можно думать поэтому, что время Манаса совпадает с эпохой первоначального — и еще ограниченного — знакомства киргиз с огнестрельным оружием, когда фитильное ружье фактически являлось привилегией одних только вождей степного феодализма.

Опуская здесь целый ряд других — аналогичного характера — соображений, я должен буду предвидеть следующее возражение со стороны защитников гораздо более поздней тра-

отрывки «Манаса»: «Ведь та матери-
альная культура и тот материальный
быт», — могут сказать они, — «ко-
торые окружают Манаса, Алмамбета
и других героев эпоса, в целом ряде
фактов совпадают даже с поздней-
шим дореволюционным бытом кир-
гиз». Конечно, для целого ряда дета-
лей это верно: например, та игра в
шарики — «кумалак», за пристрастие
к которой Алмамбет упрекает Мана-
са, известна киргизам и до настояще-
го времени; обстановка юрты и пред-
меты домашней утвари кочевника,
как и их названия, те же самые, что
и в самой последней стадии киргиз-
ского дореволюционного быта, и т. д.,
и т. д. Но по этому поводу (не гово-
ря уже о том, само собой разумею-
щемся положении, что каждое новое по-
коление сказителей имело возмож-
ность подновлять подобные детали)
не мешает вспомнить характерную
для кочевой культуры консерватив-
ность (о которой, между прочим, так
образно говорит Хананский в своей
книжке по истории Китая): в то вре-
мя, как в прилегающих к степи оази-
сах строились, разрушались и заново
строились города, росли и развива-
лись многочисленные ремесленные
производства, печатались книги и с
каждым поколением входили в жизнь
новые предметы обихода и новые
потребности населения, степная куль-
тура кочевника — культура кислого
молока и плохо выделанной кожи —
оставалась застывшей на одном уров-
не, и материальная картина кочевого
быта не менялась или почти не меня-
лась со времен Чингиз-хана вплоть до
той поры, пока ей не пришлось столк-
нуться с культурой социалистиче-
ской революции.

* * *

Все приводимые нами здесь в
вольном переводе отрывки «Манаса»
принадлежат к той части эпоса, ко-
торая носит заглавие: «Великий по-
ход» (или «Великий поход за веру»)
и подзаголовок: «Поход богатыря
Манаса на Пекин Великий». Эта
часть, как, с другой стороны, и часть
под заглавием «Поминки (тризна)
хана Кокотоя», являются любимей-
шими и наиболее часто исполняемы-
ми эпизодами «Манаса». И если до-
пустимо устанавливать литературные
параллели между гомеровским твор-
чеством и «Манасом», то «Великий
поход» следовало бы назвать *Илиа-
дой* киргизского героического эпоса
(в то время как к «Тризне хана
Кокотоя» могло бы быть применено
сопоставление с *Одиссеей* в целом, а
к «Семетею» — сравнение с *Телема-
хидой*, т. е. с первыми четырьмя пес-
нями *Одиссеи*). Действительно, «Ве-
ликий поход» — это такая же воен-
ная эпопея, какой является и *Илиа-
да*. И конечно, в «Великом походе»
еще меньше можно искать отражения
подлинных исторических событий,
чем в *Илиаде*, ибо заведомо извест-
но, что ни один из киргизских ханов
(по крайней мере в мусульманское
время) не совершал подобного похо-
да и не завоевывал Пекина. Но мы и
не должны требовать от народного
эпоса, чтобы он служил для нас
историческим документом: для истори-
ка он ценен уже тем, что служит ни
с чем несравнимым памятником идеа-
лизированных представлений данной
национальной среды о том, какова
должна была бы быть ее военная
история.

„МАНАС“

(Из рассказа Алмамбета о своем происхождении)

Е. ПОЛИВАНОВ.

В обширном Китае, где сорок князей,
Жил князь Сорондук. У него дочерей

Было ровно двенадцать.
И на весь обширный Китай
Начала прославляться
Его младшая дочь — Алтын-Ай.

Алтын-Ай — «Золотая Луна».
Как луна, прекрасна она!
И как блеск от луны золотой,
Ослепляла она красотой!

Госпожа Алтын-Ай — моя мать.
На нее снизошла благодать.

И сам бог соизволил вдохнуть
В ее душу закон Магометов,
Указавши ей истинный путь,
Озарив ее истинным светом.
И хотя средь неверных жила
Моя мать — госпожа Алтын-Ай,
Презирала она и кляла
Потонувший в неверьи Китай.

Как по матери скучает
Затерявшийся в степи
Верблюженок и, рыдая,
Горько-жалобно вопит,
Так томилась и рыдала
Мать родная по ночам,
Когда в сердце вспоминала
Мухаммада¹ и ислам.

¹ Или МАГОМЕТА. «Мухаммад» — наиболее близкое к оригиналу, а «Магомет» — испорченное в европейской передаче — произношение имени арабского пророка.

И вот в одну из таких ночей,
Когда в экстазе горела она,
Взорам ее прекрасных очей
Предстал старик дувана².
Много отроков престелных
Появилось вслед за ним,
И средь них — гульман³ небесный,
Светоносный херувим.
Вещим взором узнавая
В нем святое естество,
Старец с девой оставляет
Сына Нура одного.

Так по старца указанью
Нура сын, святой гульман,
Рая светлого посланник,

² ДУВАНА в киргизском произношении — то же, что дивана (по-таджикски и по-узбекски девана), то, есть «юродивый», буквально же: «тот, в кого вселился злой дух — див (дев)». Но в данном случае дувана — фантастический вещий старец.

³ ГУЛЬМАНЫ — юноши, обитающие в мусульманском раю подобно девам-гурьям. Отсюда и второе наименование гульмана — гур, или хур. Благодаря отсутствию в киргизском языке арабского звука (в роде г или х), это имя превращается в киргизском тексте в ур. А так как согласно законам современного киргизского языка к начальному гласному (в определенных категориях слов) может приставляться звук Н, то наряду с ур в том же самом тексте (у одного и того же сказителя) мы находим и второй киргизский дублет этого слова — именно нур (что совпадает также со словом нур — «све»). Таким образом, небожитель гульман именуется нуром и сыном нура (в смысле: принадлежащий к породе нуров).

Алтын-Ай в мужа был дан.
 Так в волшебной дымке сна
 Дивным древним дуваной
 Алтын-Ай обручена
 С сыном Нура. И женой,
 В страстной неге утопая,
 Пребывала до утра
 С ним на ложе. А вставая,
 Чтобы исполнить таарат.⁴
 В час, когда на минарете
 Раздается на рассвете
 Клич азана,⁵ Алтын-Ай
 Оглянулась:

Нет гульмана —
 Он вернулся в светлый рай,
 Ужаснулась в этот миг
 Небожителя подруга
 И вскричала: «О, старик!
 Возврати скорей его,
 Драгоценного супруга,
 Господина моего!»

⁴ ТААРАТ — ритуальное омовение.

⁵ АЗАН, — призыв на молитву.

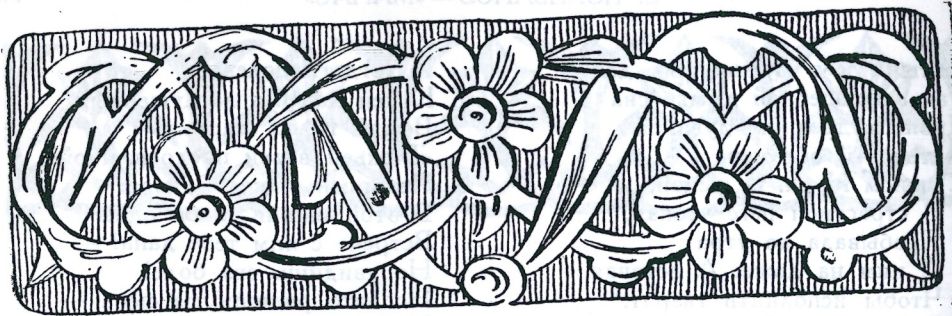
И тогда издалека
 К ней донесся заглушенный
 Вещий голос старика:
 «Божьей волей предрешенной
 Покорись тяжелой доле:
 В этой жизни лишь одна
 Встреча с ним тебе дана! —
 Не увидишь его боле!
 Но зато родишь ты сына —
 Храбреца и исполина!
 Обещай же преподать
 Сыну веры благодать!»

Не кори ж меня, Манас:
 Я, твой друг на поле брани,
 Я — такой же мусульманин,
 Как и каждый здесь из нас!
 Не ровняй меня гяуру!
 Жизнью я обязан Нуру,
 Алтын-Ай же, моя мать,
 Мне сумела преподать
 Чистой веры благодать.
 Нура сын был мне отец,
 Душу ж мне вдохнул творец.

ий.

оше-
 и по-
 бук-
 ух--
 а --

ие в
 иям.
 ана—
 кир-
 де i
 зском
 сонам
 чаль-
 тего-
 Н, то
 у од-
 им и
 ва —
 сло-
 божи-
 ыном
 породе

НАКАЗ АЛМАМБЕТА МАНАСУ

Е. ПОЛИВАНОВ

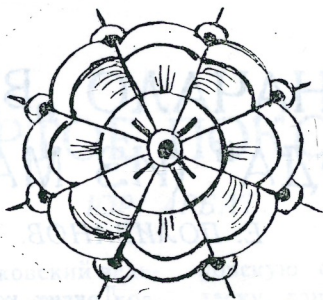
«Ты ль это, леопард Манас?!
Так слушай строгий мой наказ!
Тебя вождем я почитал,
А ты — ты просто аксакал!
Ты ль это, славный лев Манас?!
Так слушай речь мою сейчас —
Я полководцем чтил тебя,
А ты — унизил так себя!
Вот войско в 30000 пик...
Но до Пекина путь велик!..
Ты на китайцев страх навел...
Но до Пекина путь тяжел!..
И род китайский — древний род:
В нем много мудрых воевод,
В нем много хитрых мудрецов,
Хранящих тайны всех веков,
И многочисленный народ
Им мощь и крепость придает!..
А воины полков твоих
Пуускай не ждут похвал моих!..
Добычею развращены,
Забыли тягости войны,
И этот трудный твой поход
Такое войско не снесет!
Нет!.. В положении таком
Трудна победа над врагом,
И знает лишь один аллах —
Увидят ли в родных степях
Манаса снова через год...
Неведом нам войны исход!..
Чего же ради я с тобой
Пойду на подвиг боевой?!
С передовым твоим полком
Другого, князь, пошли вождем!
«А мне — отставку дай, мой князь!
Домой пусти меня, Манас!

Знай, что в Китай твою орду
Я ни за что не поведу!
На войско да и на тебя
Смотреть не в силах молча я, —
И ты рассердишься иль нет,
Я должен дать тебе совет.
Беспечно целый день-деньской
Ты занят шахматной игрой,
А каждый день твой, каждый час,
Для дела дорог ведь, Манас!
Коль будешь предаваться лени,
То счастье вдруг тебе изменит...
Так брось же детские забавы —
Всегда будь бдительным и бравым!
Дружина такая
С беспечным вождем
Должна будет таять,
Как снег под дождем,
Когда вместо детской
Игры в «Кумалак»¹
С ней встретится дерзкий
И мстительный враг!..
Так исправь и прочишь ты свое
ружье!
И оружие проверит пусть войско
твое!
Каждый день высылай в степь
дозорный отряд,
Каждый день созывай ты бойцов
на парад,
Караулы твои сам проверь, — не
забудь, —

¹ Игра в «Кумалак» («в шарики») распространена среди киргиз и в настоящее время.

Чтоб потом не жалеть, когда
 выступишь в путь!..
 И чтоб бог вам помог, не забудь, о
 Манас,
 Не забудь, выйдя в путь,
 пятикратный намаз!» —
 Дав этот набожный совет,
 Наказ свой кончил Алмамбет.
 Он кончил и орлиным взором

Окинул весь совет с укором:
 Как будто бы стрелой из лука
 Пронзил сердца он. И ни звука
 Никто в ответ не проронил.
 Молчит и атаман Кыргыз,
 И сорок витязей лихих.
 Их пыл воинственный утих,
 Огонь в сердцах у них угас...
 Задет упреком и Манас...

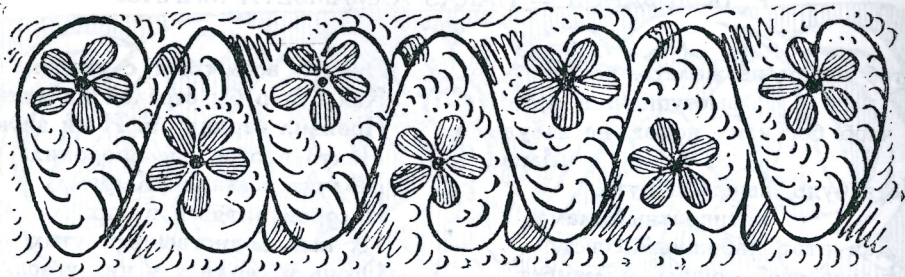
НОУНВДТ

час,
 ...
 —
 ым!

е!
 е!

д,
 д,
 :

рас-
 шее

САМОЕ НАЧАЛО „ВЕЛИКОГО ПОХОДА“ (ИЗ МАНАСА)

Е. ПОЛИВАНОВ.

Поминки хана Кокотоя
Свершались в княжестве Манаса,
Куда стеклась, узнав о «тое»¹,
Со всех сторон народа масса.

Роскошно совершалась тризна
И долго длился пышный «той»,
И был главою пира признан
Могучий старый хан Кошой.

Манас был справедливым ханом,
Не выделял он никого:
Язычникам и мусульманам
Был одинаков суд его...
Ни знатность, ни высокий сан
Не изменяли приговора,
И расправлялся грозный хан
Со всеми истово и скоро.
Своей рукой он бил одних,

¹ Той — пир.

Других корил, ругал сердито —
Немало воевод больших
Всердцах Манасом было бито...

Манас дал знак
Итти в поход,
И поднят стяг,
И с ним идет
Всяк, чей отец звался киргизом...
Покинув дом, покинув скот,
Народ идет, идет вперед,
По горным двигаясь карнизам.

С великолепием султана
Манас идет. О, грозный вид!
Заряжено ружье у хана,
Фитиль ружья уже горит.

А перед ним джигитов двадцать
Гарцуют с луками в руках.
И как, узрев их, не бояться?!
Кто сеет стрелы, — сеет страх!..

